

ВИКТОР КОНДРАТЕНКО

СОРЕВНОВАНИЕ

Ремнями стягивая нервы,
Почти захлебываясь ветром,
Товарищ гнался первым
Семнадцать километров.
А позади
В закате рыжем
Крепчал неистовый мороз,
Шуршали лыжи,
И гонщики, уменьшив рост,
Пытались перейти в полет...
И вот,
Клубясь над МТС,
Пронзая рощи ветром звонким,
Пошла мятель наперерез
Дороге лыжников. Но гонки
Остались прежние. Песочин,
Ломая снежные лучи,
В сугробах зданьями елозил.
Кругом овраги... Скрип полозьев...
И вдруг —
Окоченелое движенье рук.
А Харьков близок. И Госпром
Взметнул созвездье бодрых окон.

И лыжник мчится напролом.
Подходит финиш. Недалеко
Мостов распряmlенный костяк.
Итак,
Ремнями стягивая нервы,
Почти захлебываясь ветром,
Прошел товарищ первым
Семнадцать километров.

Харьков

ГРИГОРИИ ЛИТВАК

УЛИЦА

На безветренную Ярославскую
выходит в развалку орава.
И вечер бросается в переулки...
Сшибленные звезды немеют на ходу.
Весело идут ребята, капитанки
на глаза азартные надвинув,
и, похабною песней отводят
наигранную тоску.
За сверкающей Свердловой где-то
беспощадно и неотвратимо
чудится, гудят большие пароходы
и живет приглушенное море.
Я иду вспотевший, и усталость
медленно одолевает.
Напряженными цехами и железом
отдает широкая спецовка.
Вот прошли, захлебываясь мандолиной,
те, кого еще я
поименно знаю,
с кем лихая молодость моя
пропадала оголтелыми ночами.
За углом на узкой Чеботарской
школа

Г. ЗАХАРОВ

ТРАКТОРНАЯ КОЛОННА

Раскован,
расколот
студеный покой,
и снежной зимы
не цветет седина.
Над полем,
над степью,
над каждой тропой
дыхание зноя
проносит весна.
От поступи кованных
сталью колонн
дрожит,
выгибается
вспаханный склон,
и южное солнце,

лучами паля,
летит в напоенные
влагой поля.
Где в тело набухнувшей
соком земли
врезаются с треском
лемех и отвал,
в бензинном дыму,
в черноземной пыли
распластаны глыбы
в степи,
наповал...
Пусть крадется вором
кулацкий обрез,
и взмахом грозит
топор за плечами,
и вилы протянуты
наперевес,
и топот
и шопот
шуршит за кустами...
Но, жадно оскалив
крутые ножи,
оседланный трактор
испытан в походе.
И даль перед взором,
как знамя дрожит,
глаза на прицеле
и руки на взводе.
И ржанье стальное,

и топот,
и свист
покорны тебе,
молодой тракторист.
И, землю кромсая
весь день по полям,
ты делишь
и радость
и труд
пополам.
Ты с песней веселой
звенишь заодно,
и петь и трудиться
нам нынче дано.
Весенняя сила
по жилам гудит,
и трактор за трактором
мчит впереди...
Чтоб каждый засеянный
атом земли
добротной пшеницей
и рожью пророс,
чтоб сотни амбаров
зерном расцвели
во весь черноморский
незыблемый рост.

Одесса

БОРИС БЕЗДОМНЫЙ

БРИГАДА ВЯЗАЛЬЩИЦ

Светаёт.

В движении табор,
в хлопотах.

Двинулась жаток

зубчатая тень:

Рассвет совпадает с началом работы
Колхозных бригад.

Так начинается трудовень.

Одна другую опережая,

Вязальщицы формируют снопы,

Под гам деловитый,

под топот копыт

Возносятся скирды — форты урожая.

Бригады соревнуются — туго и чисто

Вяжут, стараясь оберегать

Каждый колос —

многозернистый

Заряд,
направленный
в сердце врага.
В первой бригаде (бригадир Галя,
Фамилию забывают,
просто:
комсорг)

Сегодня запарка:
двое захворало,
И Вари на работе
нет до сих пор.

Утро.

Поздно—

начало шестого,

Время несется
во весь опор.

Работали,

устали,

начали снова,

А Вари на работе

нет до сих пор.

Солнце—на отдых,

работа—в зените;

Дали начинают

густо чернеть,

Назойливо ткутся

невидимые нити.

И тянут

сонные головы

к стерне.

Глядя на вязальщиц,
подтрунивают парни:

„Вот так бригада!

Нечего сказать!

Вот так девки!

Работают на ять

За здоровых лодырей,

за больных ударниц!“

Встретились за ужином.

Ложки окунулись

В густые галушки

из новой муки,

Но к Вариной ложке

протянулись

Четыре

грозные

руки.

— Где ты работала?

Где устала?

Дай ответ бригаде во всем!

— Малость я сегодня... прихворала,—

Малость работала...

на огороде своем.

— По-твоему,

эти снопы

чужие?

— Капусту спасала, а хлеб погоди!

В эту минуту встал бригадир:

— Тише, товарищи дорогие!

Варю

колхозницу

не легко мне

крыть,

но, милая,

на себя пеняй!

Урожай на большой: старики не припомнят,

Прямо скажу—

большевистский урожай!

Колхозный лад пионерски молод,

Но вождь нам сказал:

„За колхозы держись!“

И если у нас осыпается колос—

Это осыпается

наша

заможная жизнь.

Прогулы с корнями вырвать надо,

Шкурница

нам только вред несет,

Поэтому Варе не место в бригаде!

И о чем говорить,

когда сказано

все.

СТУДЕНТЫ

Вот мы пошли по трясущимся сходням,
Минуя окна, прорехи и двери.
В руки носилки. И только теперь
Для нас началось сегодня.

Сезонник фасонный, как буква ять,
С усмешкой кивнул: „Ванька,
Этим скубдентам прорыв заполнять
Лишь на моих подштанниках“...

А все же (братва-то, ведь, наша не сдаст!)
Зашпарили, не отдыхая.
Сезонник угрюмо сказал: „Нда-с,
Что же, конечно, бывает“...

И вот, наконец, наконец, когда
Начался первый вечер,
Всем показалось: гудят провода..
Но это гудели плечи.

Тогда мы сошли по трясущимся сходням,
Мы бросили в дрожь леса,
Чтоб завтра начать „сегодня“
Ровно к пяти часам.

Мы расходились по домам,
Мы расходились по клубам,
А кто-то горластый глотку драл:
„Ой, дивчина моя люба“...

Тише и тише говор в толпе,
Говор сходил на убыль,
А кто-то далекий песню допел:
„Ой, дивчина моя люба“.

Днепропетровск

АЛЕКСАНДР ХАЗИН

САША

(Глава из романа)

1.

Институт, который Саша закончил,
Хотел послать его на Урал.
Но он в канцелярии так орал,
Что уж, пожалуй, нельзя было звонче.
И по совету какого-то лектора
Оставлен был на заводе „Электро“.

2.

Институт потерял лохматого парня—
Завсегдатая всяких затей и историй,
Весельчака, футболиста, ударника.
Но все же на стенах аудиторий
Сашка оставил несколько фраз,
Среди них Пушкинский перифраз:
(„Учись, мой сын,
наука сокращает
нам дни быстротекущей жизни“).

3.

Получив на руки заветный диплом,
А потом познакомившись с Тоней и Женей.
Решил: „Обзаведусь женским теплом“...

Но через день изменил решение:
„Нет, я лучше за книгу примусь,
Женское тепло—это значит примус“.

4.

Не будем Одинцева упрекать
В излишней скромности и аскетизме,
Пришедших, быть может, откуда-то извне,
Тех истин, которые он изрекал.
Вы убедитесь в конце главы,
Что Саша также молод, как вы.

5.

Жизнь его начиналась в шесть,
Когда продрогший за ночь будильник
И черного рупора гулкая жесть,
Не умолкая, его будили.
И он бежал под кран на рысях
В одних пифагоровых трусах.

6.

А ровно в восемь он был у себя
На валовом участке одиннадцать,
И бодрые руки друзей-ребят
Его встречали: „Здорово Одинцев“.
И он отвечал: „Ол райт!“ и „Гут бай!“
И кричал контролеру: „Борис, принимай!“

7.

Но никто не знал, что в слепой тишине
Саша—талантливый инженер,
Прорываясь сквозь черные дебри теорий,

Спорил, доказывал, спорил, спорил;
Черкал, подсчитывал, спорил, летел
На окрыленной работой мечте.

8.

Но никто ж не знал из его бригад,
Что по ночам под ламповым спектром
Оживали в трепетный мультипликат
Черные жилы его проекта,
В котором сшибались на смертный бой
Сашкина ненависть и любовь.

9.

Зиновий любил его. Позавчера
Сашка торчал перед дверью с таблицей
И не знал, что делать; хотел удалиться,
Но, смелости полную грудь набрав,
Робко тыкал, как ребенка в пупок,
Весело захлебывающийся звонок.

10.

И сразу с ковра метнулись олени,
Он даже подумал: „Вот это ловко“.
Но скоро, освоившись с обстановкой,
Уже развернул чертеж на столе он.
И через окно увидя „Пассаж“,
Кончено сострил: „Ах какой пассаж!“

11.

И вдруг он услышал за плечами
Клавиатуру женского смеха,
Прохладного, звонкого, женского смеха,

Который не раз приходил по ночам,
Как вдалеке отраженное эхо.
Прохладного, звонкого женского смеха,
Который понятен и четок, как схема.

12.

Валя протянула руку и сказала: „Валя“.
И Сашка неловко руку пожал.
И пока решалась судьба чертежа,
Валя спросила: „Вы у нас бывали?“
Сашка ляпнул: „Бывал“. — „Когда?“
Сашка нашелся: „Мечтами всегда“.

13.

Оказалось, что Валя в том институте,
Который недавно закончил Одинцев,
И Сашка клялся, что он не забудет
Его законов, прав и традиций.
Потом разговор зашел далеко,
Движимый силой общих знакомств.

14.

Беседу прервал Зиновий: „Одинцев,
Проект этот — ваша молодость, вера,
С ее полетами в стратосферу,
С путешествиями к земной оси,
Молодость, которая пригодится“.
Но Сашка уже официально басит:

15.

„Товарищ Макеев, вы не учли
Ни одного симптома нашей эпохи,

В которой сходятся все дороги,
Расчетов, которых еще не нашли!"

16.

И неловко сгробастав трубочки Кольки,
Непобедимый, уверенный, гордый
Сашка бросил: „До свидания, Валя“
И вышел в черную влагу города.
Он даже не слышал, как Зиновий сказал:
„Теория против, а молодость за...“

17.

И вдруг. Вы понимаете? Вчера. Вдруг.
Когда Сашка показывал шехтовку жести,
Он услышал; „Скажите пожалуйста, где здесь ...
И с ловкостью, переходящей в трюк,
Повернулся, внезапно балдея от страсти,
И вдруг заорал: „Валя, здрасти! .“

18.

А когда он убедился, что ему не снится
И Валю институт прислал на „Электро“,
Он восемь раз был у директора,
Чтоб ее прикрепил к участку 11.
И тут же, по собственному предложению,
Сочинен был экспромт, предназначенный Жене
(„Когда строга—лучше всяких мадонн ты,
Улыбнешься—годна для реклам хлородонта“).

19.

Итак, без сомнения, Сашка признан,
Вы, может быть, даже знакомы. Встречались.

И даже меня подкупил вначале
Блеск молодого его оптимизма.
Скажу по секрету, читатель,—идет?—
Я в Сашку верю. Не подведет!

20.

Ведь никто ж не знал из его ребят,
Что по ночам под ламповым спектром
Оживали в трепетных мультипликат
Черные жилы его проекта,
В котором сшибались на смертный бой
Сашкина ненависть и любовь.

Харьков
1932 г.

МИКОЛА НАГНИБИДА

БАЛЛАДА ПРО ЗЕРНО

1. ВСТУПЛЕНИЕ

Вот, как по взмаху дирижера
В пространство музыки плеснув,
Набухшие деревья хором
Впервые начали весну.
И струны вод
с тугой земли
Свой голос в музыку вплели.
В такие дни
на Таврии пассат,
Как побратим идет, легко шатаясь,
В высоких водах отражаясь,
Плывет гусей кривая полоса,
Бунтуют почки по садам.

И веет

И жизнь и смех из строгих зон;

И легкой синевою заржавеет

Натянутый, как обруч, горизонт.
И ремни разрывают кони,
Жестоким бешенством горя.
В такие дни так мудро на ладони
Зерно расценивают мастера.
И вот в такие дни не мы ли,
Горячей кровью закипев,
Любимых девушек забыли
В борьбе за завтрашний посев.
По селам почтальон мелькает,
чтоб телеграмм огонь не гас...
— На Таврии весна
хорошая такая...
... — Тебя я слушаю,
таварищ Опанас.

— „Пришел в райком,
ведь комсомол я знаю,
как сына своего—
он в городе, в столице,—
Такое дело:
Мы когда поймаем
Ту банду, что крадет пшеницу?!
Я говорю тебе. Не я, а все.
Найди зерно
и дай нам на посев“.

2. ПОСЕЩЕНИЕ ОПАНАСА.

Он радостно встретил неожиданных гостей,
Он в комнату их приглашает при этом,

Он очень доволен,
и даже со стен
Тепло усмеваются чьи-то портреты.
Опанас приносит горячую водку,
И тают под крыльями черных бровей
Хозяина очи простые и кроткие,
Как ранние зори, как росы в траве.
Беседе где-то
Тихо песня вторит.
В ней мало счастья. Песня далека.
В ней много слез
и мужества и горя,
Печальная дорога батрака.
И пахнет горечью степей,
И тихо закипают слезы.
... Хозяин наливает „Пей!
За эти щедрые покосы!“
И, судоржно скрючив пальцы,
Он бьет себя в квадрат груди:
„Мои родители-страдальцы,
Мои родители... роди.....
Крутое время,
Час наш грозен,
Гудит походами земля,
И под тревожным небом весен
Так зелено встают поля.

Чтоб солнцами росли плоды,
Чтоб не забралась червь в кровь
Грозой овейных садов".
И вспоминал тепло руки я
По первым трепетам весны.
— Когда у нас отцы такие,
Какие ж вырастут сыны!

3. ПОДКИНУТОЕ ПИСЬМО

„Я, может, враг, иль не ясна
Мне эта истина простая,
Меня же истощила тайна—
Вот эта первая весна.
Зеленый садик над рекой
Растет у клуни Опанаса,
Но не найти прощенья класса
Кровавой мудрости такой.
В тот сад, как в желтую трясицу,
Зерно сгробастала рука
И молодого батрака,
Которого считали сыном.
Я, может, враг, иль не ясна
Мне эта истина простая,
Меня же истощила тайна—
Вот эта первая весна...“

4. ВТОРОЕ ПОСЕЩЕНИЕ ОПАНАСА

Мы вновь пришли, и в этот раз
Сады в цветах, как в пене жирной.
И нас встречает Опанас.

Но в той игре тузом козырным
Большое сердце я принес,
Я мечь кровавую принес.
Пусть все село, друзья услышат.
Так поднимайте ж заступ выше!
Корни и ветви

взлетали, пыля,

Всю ночь корчевали тугую породу.
Под нами проклятьем горела земля,
Над нею, как мечь,
поднимались годы.

Холщевые спины зерно раздает,
Над головами звездное небо,
А рядом страна берет на учет
Каждое зернышко этого хлеба.

.....

Под нами с лопатою

в зернах лежал

Желтый скелет батрака,
Над нами блеснула ударом ножа
Его—Опанаса рука.
Хозяин!

Класс поднимает бессонный наган,
Смертельную ярость курка,
Не переступит твоя нога
Желтых костей батрака...

На этом бы кончить

нужно балладу,

Но грудь раздувает мехами гнев.

Он призывает—

 юноши класса
вокруг караулов

 в черном огне

Еще пригревают грудь Опанасы.

И с нами за одним столом

Разделят хлеб, добытый нами,

И славят песней и вином

Высокой молодости знамя.

И нашу кровь смывая с рук

И разделяя с нами пищу,

Как вороны, над трупом рыщут,

Где остывает сердца стук.

И вот скажи — по мирным взорам —

Они друзья, или враги,

Когда рыдают над селькором,

Что пал вчера от их руки.

И наши молодые дни

Встречают дружными руками.

Но есть за пазухой у них

Для нас оточенные камни.

Юный класс,

 в походе, где вровень

мы шагаем к ноге нога,

Прикажи держать наготове

рядом с молодостью наган...

Харьков

С украинского А. Хазин

„СВЕРСТНИКАМ“

Сегодня юность
руководит нами.
В любом заводе
сверстника найду,
рожденного
в изодраном штыками
четырнадцатом
бешеном году...

.....
Наш поезд шел
равнинной белизною,
неделями
стоял зарытым в снег,
но все это сейчас передо мною
в каком-то душном,
напряженном сне.

Мы детворой
тогда играть хотели,
мы все у жизни шли на поводу,
рожденные
в военные метели,
в четырнадцатом
бешеном году.

Года неслись
порывисты и скоры,
голодных дней
перерывалась нить.

Мы поднялись.
Мы в труд советской школы
вошли расти,

воспитываться,
жить.

И каждым летом
в стадионной сини,
в разбеге наших
отдохнувших сил
мы нагнетаем
боевые силы.

Тугим мячом
позванивает синь.

Теперь мы все
готовы к обороне,
готовы все
и к бою и к труду,
рожденные
в военном перезвоне,
в четырнадцатом
проклятом году,

я. ГОРОДСКОЙ

МОЙ ДВОР

Легко нести воспоминаний груз.
Хомут былого не ужалит раной.
Сегодня вечером опять пройдусь
по старенькой, по 3-ей, по Песчаной

На каменном заборе тот же мох,
дворняжки у ворот косятся хмуро.
Здесь вырос я, как злой чертополох,
здесь и сгорал, как брошенный окурок.

А вот пустырь—и грязный и рябой,
здесь Пески с Дачей примирить едва ли,
здесь две орды мальчишечьи на бой,
камней набрав, друг друга вызывали.

А дальше—стареньких акаций ряд,
а дальше — кузня господина Шляка,

где, резвостью мальчишечьей горя,
урсу еврею принесли двояко:

из экипажей выбрали свинец,
из тощих складов выкрали оглобли.
Прости, о, Шляк, божественный кузнец,
коль ты не умер и на нас озлоблен.

Войти во двор, оглохнуть в нем на час
от двадцатиквартирного хорала.
Тверезая и пьяная, кичась,
Песчаная стоглоточно орала.

И каждым пройдена своя верста,
искаждым нравом—попытайся, сладь-ка.
Я стал поэт, а Санька токарь стал,
а Тишка—плотник, как пьянчуга-бабка.

Стократно повторяю: хорошо!
Хорош наш день, тревогою палимый:
никто из наших к белым не ушел,
в большевики под песню все ушли мы.

Да, плечи Саньки, Тишки и мои
шинели серой испытали тяжесть.
Родимый двор, поведай, не тай—
кто не вернулся из окопной стради?

А зелень тех лужаек дворовых,
а чуть подростшие за мной парнишки,—

все в комсомоле, все, как и мы, правы,
им не отстать от Саньки и от Тишки.

Ремонт! Ремонт! Двор опоясан в труд.
Молчит ружье и в том и в этом стане.
Но если в бой сигналы позовут,
мой двор опять окопом красным станет.

Я не сержусь на то, что у печей,
как встарь, судачат бабы понемногу.
Но сколько девушек в тиши ночей
теперь не молятся глухому богу!

И то пойму, что режутся порой
отцы в картишки, горькой заливая.
Но все дружнее пионерский строй
и дворовых встречаю там всегда я.

Я уйду. Прощай родимый двор,
заканчивай ремонтом стены, крыши.
Я шлю тебе не горечь, не укор,
я шлю привет сыновий и притихший.

Харьков

ЗЕЛЬМАН КАЦ

БЕТХОВЕН

Германия. Ночь. Сентябрь, непостижим и
безветрен,
над айзбергами соборов кружится едва дыша,
в какую-то из этих ночей застрелился Вертер,
когда от любви до смерти оставался один шаг.
— Чудак! Выход был, но ты молчи, моя
гневность,
никто тебя не узнает ни по сжатым губам, ни по
локону,
который глаза мои перечеркнул.

Презренье и ненависть,
идите сюда. Понимаешь, Вертер, молчу и глохну.
В черной крышке рояля затонул огонь от свечи.
Тяжелое бронзовое крыло отточенных струн
Лежит и не может взмахнуть.

Бетховен молчит.

Ночь положила ему на плечо зияющий гулкий
раструб
своей тишины.

Неправда Бетховен! Танцует ночь!
Дымится Бастилия! Обломки ногами тасуя
До боли, до крика, чтоб камни в песок истолочь,

рабочий Париж танцует!..

танцует!..

танцует!..

— Молчу и глохну—Бетховен со скрипом

вывихнул раму

и отшатнулся. Ночь ударила в грудь молодыми
ветрами.

— Я слышу! Я слышу—кричит Бетховен!

Ты в сердце моем танцуешь и славишься...

И ночь, оттесняя плечом, неповоротлив и ровен,
седой и огромный упал на клавиши.

В черной крышке рояля огонь от свечи затонул.

Где-то за Рейном заря подымается медленно и

затуманенно.

И, не заметив утра, почти стариком опускаясь на

стул,

Бетховен пережил и понял смертельную ночь

Германии.

Давайте вспомним, ребята! За полосой военных
действий

(Тут не при чем Бетховен). Фронтная бессонница.

Большевики.

В нескончаемых клубных залах, посредине

нашего детства,

Стояли рояли тяжелые и большие, как грузовики.

Недосыпая, мы спали на черных крышках

рояля

Бредили хлебом... фронтом... стихами... банею.

Иногда приходила песня, полотнища лозунгов
окрыляя,
И заставляла мальчишек без толку по клавишам
барабанить.
Вот тут начинался Бетховен. Старик упрямый и
ровный
(Утес подбородка над пенным прибором жабо),
Он шел, раздувая сюртучные полы, сквозь ветер
огромный,
И ночь раскрывалась над ним ветвями и
звездною ворожкой.
Непонятый нами, неизбежный
суровый старик.
Он шел. И я его догонял — в большом бушлате
подросток.

Мы становились друг против друга.
Бетховен на стыке
Двух революций, а я на уличном перекрестке
Под влажное небо родины,
которая громче и громче
перекатывается над головой.

Не застрахован
От палок и пуль фашистских погромщиков,
рядом с тобою идет Бетховен.
Рядом с тобою мой гамбургский сверстник.
Так шел он со мной в девятнадцатом
против такого же черного зверства,
не окликавая родину, не призывая нацию.
Ночь. Над айзбергами соборов проседи дыма
витога.

Германия! Мой сверстник идет на расстрел
и прочь
отлетает веселая юность.

Старая под круглым растрелом винтовок,
Он падает в песню мою!

Бетховен уходит в ночь.

Харьков

ВТОРОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Не стираются лица,
 не тают даты,
Хрустит морозом
 голодный двадцатый.
Традиционная картина прощанья.
Падают матери:
 — Ваня, куда ты,
„На кого ты меня покидаешь, Ваня!“
Идет военный,
 идет двадцатый.
На мерзлых стенах
 горячка плакатов:
— Фронт...
 — Польский фронт...
— На польский фронт людей!!!
Значит, на ноги
 накручены обмотки,
Запружены вокзалы
 молодыми глотками.
Усталым паровозам приказ: лететь!
Шло второе поколение,
 самое живучее
Под ветром двадцатого,

вьюжным, жгучим.
Рубаное, стреляное,
В снегах по колени
Резервами непобежденного класса,
Потому что несло оно,
второе поколение,
Граненный на роты,
Подчиненный приказам,
Оточенный, как штык,
Энтузиазм!..
Время, времячко!
Оно идет, разводя
Комбинатов широкие плечи.
И ход его крепок и весел!
Ну и время! Чтобы шелковой стала
бешеная вода,
Чтобы падали скалы.
Это в сказках бывает... и... на Загэсе.
Идет тридцатый,
Идет тридцатый,
Шаг его крепок,
Ход его весел!
Где ж тут искать твои адреса,
Где тебя видеть,
второе поколение?
— Здесь я!
Здесь я!
Здесь я!
На стройке в шахте,
в цеху, в гореньи я!

Никем не согнутое,
Живучее,
Оно мятежною порою
Под ветром, уж не морозным,
а жгучим
Стекло здание Тракторостроя.
— Здесь я! —

Из глуби горохочет голос:
Мобилизованный комсомолом
Ползу ходками
Большого Донбасса
В пластах растущий,
А не распластан.

Я здесь от угля
смуглее негра,
Слежу, чтоб не рвался
врубовки грохот.

Чтоб падал уголь
Частицей энергии,
Необходимой
Моей эпохе...

Я здесь, в Константиновке
на Цинкострое

Стены кладу,
Агитирую, рою.

И я, бывает, недоедаю,
И мне бывает совсем не сладко
В тяжелой работе
Бетонной кладки.

Но знает силу братва молодая,

Братва, закаленная
по-комсомольски

Еще в двадцатом
На фронте
на польском!

Она командует:
— Раз,
— Два,
Сильно!

Она командует:
— Раз,
— Два,
Разом!

И лучшим зданьем,
Лучшей машиной
Оформляется энтузиазм.
Удар!!!

И еще... и они учащают
Выстуки сердца у лордов и мистеров.
Лорды гадают,
они не знают,

Откуда это упорство кремнистое.
Что же это!

Наркоз, оп'янение,
Бешенство, потерявших пути?
Нет!

Это вера в дорогу Ленина
и умение
ею итти!

И нет отступления.

Мы твердо знаем —
Шестидюймовками окружены,
Выстоит бригада
Ударная, сквозная
Второго поколения страны!

Донбасс

Я ПОДРУГА,
Я МОЯ
МОЛОДАЯ ЛЮБОВЬ

**ТЫ ТОВАРИЩ,
И МАТЬ,
И ПОДРУГА,
И МОЯ
МОЛОДАЯ ЛЮБОВЬ**

ГРУШИ МИЛЫЙ

Груши жалью наклонилась у забора,
Слеют груши.
Скоро хлопья — полюбилась букет,
У девицы Груши.
Он прошепчет, только ветер дунов-паркет,
Вестник ветер,
Обойдет и проплетает девушку Груши,
Сладко — «слова»
Только поезд для ширинет —
Голубиный
В министерство, в школу сокола-листка,
Груши милый,
Разберет он приборы — прощай —
Только груши
На четыре стороны —

МОЛОДАЯ ЛЮБОВЬ
И МОЯ
И ПОДРУГА,
И МАТЬ,
И ТОВАРИЩ.

М. МАТУСОВСКИЙ

ГРУНИН МИЛЫЙ

Груши мягко наклонились у забора.

Спеют груши.

Скоро хлопец — полюбовник будет

скоро

У девченки Груши.

Он приедет, только ветер дунет-плюнет,

Вестник-ветер,

Обоймет и приголубит девку Груню,

Скажет — „светик“.

Только поезд дым швырнет за

поворотом

Голубиный,

В гимнастерке, в шлеме сокола-пилота

Грунин милый.

Разберет он переборы - переводы —

Только слушай:

На четыре стороны - да,

Вот такой вышины - да,
Вот такой ширины - да —
Хороводы, хороводы.
Ай - да, Груша!

В танце сердце разрывается на части.
Он уважит,
Он расскажет ей о шумном ветре
счастья.

Он расскажет,
Как под небо, да под крыльев
повороты,

В ветра шопот,
Он закружит удивительным полетом
Яркий штопор.

А оттуда, развернувшись над землею, —
Он расскажет, —

Побежденный ветер мертвою петлею
Перевяжет.

А пропеллер переводит переборы
Глуше, глуше.

Груши мягко наклонились у забора.
Спят груши.

Луганск

УЧЕБА

Широкая полночь стоит за окном,
А ветер содружества ради
Сидит и листает с тобой заодно
Исписанные тетради.

Все ближе и ближе зачетов черта,
Да короток день для огрочного дела.
И, сон отодвинув, ты будешь читать
Положенные разделы.

Рассвет обескровит и север и юг,
И город начнет просыпаться,
И трижды вдали петухи пропоют,
А ты только волос поправишь и платье.

Так, стиснувши зубы, нахмутивши лоб,
Упорно, без лишнего вздоха,
Мы формулы учим, чтоб взять

Перекоп —

Богатую мудрость эпохи.

Мы знаем, от юноши до старика,
Вся жизнь — неразрывные звенья.
На смену седеющим большевикам
Второе идет поколение.

Заводы и книги доверил нам класс.
Используем партией выданный ордер
И свяжем штурмующий энтузиазм
С высокою техникой фордов!..

Ты долго читаешь, отвагой горя,
Но сон тебя исподволь стиснул
в об'ятьях...

Нахмуренно смотрит в окошко заря
На книги твои и платье.

Одесса

ВИК. КОНДРАТЕНКО

ТЕПЛОХОД

На теплой листве виноградных лоз

Червячный залечен туберкулез...

Колхозник идет весел и рад

В коровник тропой крутой,

На солнце сквозит его виноград

Зрелую кислотой.

Смотри, просыпается гавань внизу,

И первый мотор удаляется в небо.

Надежные парни в твой город везут

Кавказские транспорты хлеба...

На пляже волной обдаёт ребят,

Помалу сгущается зной,

Руки твои платок теребят

С кровавою желтизной.

Давай, отдохнем, посидим еще,

Хочешь, поговорим.

— Опать лихорадит, укрой плащом

И не кури, мне мешает дым.

В легких волнуется Т. Б. Ц.

Оставлен тобою веселый цех,

И неподатливая врачу

Мокрота похожа на каучук.

Будут закрыты твои глаза.

Судорогой сведен рот,

Но за жизнь голосует сам
Смущенный теплоход:
И тысяча рук ребят
Строящих новый каркас,
И песнь необычная про тебя,
спетая в этот раз...

Мы дом не видали недели две.
Ты нам говорила „держись!“
Огромнейшим пульсом стучала верфь
И формовалась жизнь.
Так вышли на станцию... Капли дождя
Прорезали синь утра,
И вынырнул поезд. Сказала „прощай“
Спокойней меня сестра...
Там ей обещал я тебе, мой класс,
Хранить свою жизнь и отдать легко.
Весь мир понимает и чувствует в нас
Волю большевиков,

Харьков

Мы условились в восемь...

Но ветер остыл;

Он качался, как пьяный,

и заветривал даты...

Я пришел, дорогая, вначале весны

От горящей работой бригады.

Я пришел, когда ветер

листву спеленал,

Когда парк набухал,

на скамейке любой

Притаилась весна,

расцветала любовь.

И по древним рецептам

светила луна.

.....
Если б я хоть умел

ну немного курить,

Я б суставами пальцев

измял папиросу,

Я б окурки на десять шагов поразбросил,

Папирса б молчала,

как подавленный крик.

... Я спросил у соседа:

который час?

И сосед проворчал

с недвусмысленной грацией:

— Я не знаю.

Двенадцать.

А может быть час,

Ну уж вам-то, пожалуй,

пора убираться...
Да. Мы условились — в восемь
... ветер остыл,
(Потухали огни световых параллелей)
И он вышел крепчать,
задевая кусты.
Этот ветренный сторож
пошел по аллеям.

Но античный везде
и знакомый весне
Вдруг пробрался и вышел
запуганным вором —
Звук, скрипящий, как дверь,
как утопанный снег,
И я понял: конечно — это сосед
Совершенствует силу
своих уговоров...
И пошел я
кривыми путями аллея,
переулков и улиц
(живу я не близко).
А дома меня ждала на столе
вчетверо сложенная записка.
Простая записка
— комбинация слов.
Ты лежишь на столе
неразгаданной темой...
Ведь в записках всегда
завершалась любовь

когда ты в него пришла.
Когда из шумящих стружек,
из ящиков и корзин
душистые яблоки
ты доставала, спеша.
И мрачный покупатель,
улыбаясь, уходит домой.
Вспоминая о быстрых
и теплых руках твоих,
он кусает сочное яблоко.
И яблоко дышит тобой.
И яблоки пахнут весной,
слегка замороженной в них.

Харьков
1932 г.

К ПОЭМЕ

ГРИГ. ЛИТВАК

В. Н.

I

В эту ночь особенно ярко
Полнозвездное небо стояло над парком...

Я над тобой переполненный встал,
хлынули губы —

и вот горячо:

соловьиным прибоем захлебнулась листва,
но все это шло
мимо нас —
нипочем.

Я чувствовал, как подымало тебя,
глаза наливались истомой заката...
Под нами шаталась, скрипела скамья
и уплывала

направо куда-то...

А сумрачный парк под уклон оползал.
Ты рот приоткрыла, закрыла глаза...

Мы встали, пошатываясь,
на перебой

падали звезды,
гремела луна,

густыми кустами,
высокой травой
соловьиная ночь обступала нас.

II

К рассвету окнами уже поворачиваются дома.
С теплых перин кряхтя подымается мать.
Скоро вторые гудки загудят...
Изумительный сон еще обнимает тебя.

Любимый целует воспаленные губы твои,
ты лежишь на верных его руках...
Над вами ночь, как черная пропасть стоит,
на дне которой урчит река.

Но вспыхнули окна холодным пожаром зари.
Мать кряхтя подымается с теплых перин.
Беспощадная мать! твой предутренний сон
нарушает безжалостно в шесть часов.
Из соседних садов, срываясь в полет,
кроет в небо крикливое воронье,
но покинута наспанная кровать,
ворча хлопочет у примуса мать.
И пока одеваешься ты,
подымается солнце диском густым...

Взрываясь крепким, как молодость паром,
гудят гудки на твоём мыловаренном.

Е. ПАВЛИЧЕНКО

ПЕСНЯ О ЖЕНЩИНЕ

Давайте песню посвятим,
Как римляне когда-то пели,
Счастливым женщинам своим,
Которые отяжелели.
Там каждый всадник, осадив
Коня, почтительно желал ей:
— На радость мальчика роди,
Чтоб всадников у нас достало.
Ее встречая, гражданин
В ее зачатьи благо видел.
И никогда и ни один
Не смел ее ничем обидеть.
А если б ктонибудь посмел,
Его позором скроет время;
Есть очень много гнусных дел,
Но это—худшее меж теми.
Такому, заплевав лицо,
Воскликнет с горечью прохожий:
— Да не бывать тебе отцом,
Ничтожество из всех ничтожеств.
Давайте песню посвятим
Отяжелевшим женам нашим—
И труженицам заводским,
И женщинам родимых пашен.

И если скачет эскадрон,
Он станет, женам салютуя,
С надеждой доброй скажет он:
— Ты нового бойца пестуешь.
И будет, может быть, рожден
Для новых битв и эскадронов
От женщины несмелой он
Отважным Фрунзе иль Буденным.
И скажет с лаской гражданин,
Снимая шляпу перед нею:
Пусть в эти памятные дни
Мы славными не обеднеем.
Да будет ей совсем легка
Пора святая разрешенья,
Быть может, выхолит сынка
Вождем для новых поколений.
И если б кто-нибудь посмел
Ее ударить, мы воскликнем:
— Есть очень много темных дел,
Но каждое пред этим никнет.
Такому выколоть глаза
И заплевать ему глазницы.
Такого смертью наказать,
С таким убийца не сравнится.
И я еще спою о том,
Чем сердце мечется и дышет,
О чем ещё огромный том
Потомок лучших дней напишет.
Благословенная страна
Глаз женских, голубых и карих,

Быть может, Пушкина она
И Лермонтова нам подарит.
И, может быть, уже растёт
И в такт размерам устремился
Мечтательный и пылкий тот,
Кто Пушкиным уже родился.
Мы эту песню посвятим
В своей стране,
В своих неделях
Счастливым женщинам своим,
Которые отяжелели.

Киев

БОРИС КОТЛЯРОВ

РОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Слезы дрожат на губах,
Прикушенный до крови стон.
Боль на лице
 проходит косая такая.

Милая!

В комнате властвует крик
 радостный
 и простой.

Милая!

Предшественник жизни и дня,
Крови заря обтекает.

Сын!

Остывает пожар рожденья.

Сын!

Озарен и разорван комнаты густой покой.

Сын!

Небо Родины

 Начинает день,

Обливаясь розовым

 Материнским

 Молоком.

Распахните окно

 на погоню облаков —

День начинается.
Кровь с молоком!

.....
Теплой зарей обагрясь,
Отбросив наволоки снов,
В мощных потугах Родина
Рождает своих сынов.

Первая пена зелени
Бежит по ветвям весны.

На стадионы,
Родина,
Выходят твои сыны.

Грудь у них,
Родина,
Огненная броня.

Сердце в груди,
Родина,
У них горячий огня.

Тысячу ртов,
Родина,
Славу тебе поют.
Готово-ль для сына,
Родина,
Место его в бою?

.....
Сын!
На могиле отца моего
Молчит земля сырая.

Обычай:
„Што, сынок,

Не нравлюсь.
Ругай.
Суди".
Не судил.
Только больно.

И дружба срывалась
С буйством отцовских седин...

Прости меня, отец.

Сын мой.
Маленький,
маленький
на постели белой.

Крошка.
А будет большой.
Вырастешь ты,
Но знаю

Никогда не бросишь жестокого:
„Отец,
надоело“.

Никогда не остынут в комнате
Горячие твои следы.

Знаю, сын.

.....
Первая пена зелени
Бежит по ветвям весны.

На стадионы,
Родина,
Выходят твои сыны.
Выходят здоровые,

Родина,
Тысячи сыновей.
На них любуются,
Родина,
Тысячи матерей.
Тысячи ртов,
Родина,
Славу тебе поют.
Для сына и меня готово
Место рядом в бою.
И старость свою принимая,
готов держать пари —
От сына я не отстану,
Чорт меня побери!

.....

Харьков
1932 г.

ГРИГ. ЛИТВАК

АЛЕКСАНДРЕ, МАТЕРИ И УКРАИНЕ

В теплый обыкновенный вечер
ты выйдешь ко мне попрощаться.

Хлопотливая вечно,
всхлипывающая тихонько,
любимую косоворотку
выгладит старая мать.

Чувствуя нашу разлуку,
ты будешь бродить со мною...
Неодолимой печалью
зажгутся твои глаза.

Я знаю, ты скажешь о сыне,
который задуман лишь нами,
который (мы вместе мечтали)
будет похож на меня.

Ты скажешь,
что лучшие ночи
я отдал бессонной работе,
селам суровым —
свои полнокровные весны,
и вот уезжаю опять.

Я буду молчать
и думать;
о чем-то другом, непонятном,
о чем-то другом, непонятном
матери и тебе.

Часто меня не любил отец,
и я огрызаясь уходил из дому...
Мать! Сорванцовые годы мои
серебрятся в ее волосах...

А когда начинались протяжные зимы
после горячего дня у тисков,
я лежал опрокинутый сном
суровым, как море, сном,
и мать, не смыкая глаз,
стерегла гудки моего завода.

А сын,
который единственный
рос таким непослушным,
вырос и стал непонятным —
уходит.

И я ненужно, быть может,
напомню о том, как бывало
взволнованными вечерами
ты приходила ко мне.

В этот последний вечер
ты будешь рассеяно слушать,
а я горячо и просто

СОДЕРЖАНИЕ

1. Введение 1

2. Глава I 10

3. Глава II 20

4. Глава III 30

5. Глава IV 40

6. Глава V 50

7. Глава VI 60

8. Глава VII 70

9. Глава VIII 80

10. Глава IX 90

11. Глава X 100

12. Глава XI 110

13. Глава XII 120

14. Глава XIII 130

15. Глава XIV 140

16. Глава XV 150

17. Глава XVI 160

18. Глава XVII 170

19. Глава XVIII 180

20. Глава XIX 190

21. Глава XX 200

22. Глава XXI 210

23. Глава XXII 220

24. Глава XXIII 230

25. Глава XXIV 240

26. Глава XXV 250

27. Глава XXVI 260

28. Глава XXVII 270

29. Глава XXVIII 280

30. Глава XXIX 290

31. Глава XXX 300

32. Глава XXXI 310

33. Глава XXXII 320

34. Глава XXXIII 330

35. Глава XXXIV 340

36. Глава XXXV 350

37. Глава XXXVI 360

38. Глава XXXVII 370

39. Глава XXXVIII 380

40. Глава XXXIX 390

41. Глава XL 400

42. Глава XLI 410

43. Глава XLII 420

44. Глава XLIII 430

45. Глава XLIV 440

46. Глава XLV 450

47. Глава XLVI 460

48. Глава XLVII 470

49. Глава XLVIII 480

50. Глава XLIX 490

51. Глава L 500

CODERWANE

11/11/10

А. Супруненко — Вместе с орлами парят девушки нашей страны	11
Б. Котляров — Я буду краснофлотцем	13
Григ Литвак — Ночь	16
Б. Котляров — Песня на крейсере	20
П. Беспощадный — На вахте	22
Ю. Черкасский — Стихи о войне	24
Д. Биргер — Памятка осоавиахимовца	27
Н. Ушаков — Краснофлотская	30
В. Азаров — Комсомольская ударная	33
Ю. Черкасский — Поход	35
З. Кац — Севастопольская тишина	38
В. Кондратенко — Перед маневрами	42
В. Шехтер — Великобритания	44
В. Кондратенко — Таверна	47
З. Кац — Презираю смерть	49
Ю. Черкасский — Родина	64

П. Беспощадный — Мы пришли	69
Ю. Черкасский — Утро в провинции	71
Д. Верный — Обязательство	74
А. Фарбер — Кривая победы	77
П. Беспощадный — Коногон заболел	79

	Стр.
Д. Биргер — Н. К. П.	81
М. Фридлянд — О ветре	84
Л. Вышеславский — Ударная ночь	86
Бор. Бездомный — Большевистский сев	88
В. Кондратенко — Из автобиографии	91
Н. Иванцов — Штурм на тракторном	93
Б. Котляров — Стихи о Саше Ладогине	95
Ник. Ушаков — Зимняя физкультурная	105
В. Кондратенко — Соревнование	108
Гр. Литвак — Улица	110
Г. Захаров — Тракторная колонна	112
Б. Бездомный — Бригада вязальщиц	115
Н. Кордо-Сысоев — Студенты	119
А. Хазин — Саша	121
М. Нагнибида — Баллада про зерно	127
Л. Вышеславский — Сверстникам	134
Як. Городской — Мой двор	136
З. Кац — Бетховен	139
Ю. Черкасский — Второе поколение	143

3

М. Матусовский — Грунин милый	151
А. Супруненко — Учеба	153
Е. Павличенко — Дни великих работ	155
М. Фридлянд — О любви	158
Л. Вышеславский — Окно	160
Ю. Черкасский — Девушка из дома № 5	162
Вик. Кондратенко — Теплоход	165
А. Хазин — Любовь	167

	Стр.
Б. Котляров — Яблоки	172
Г. Литвак — К поэме	174
Е. Павличенко — Песня о женщине	176
Б. Котляров — Рождение человека	179
Григ. Литвак — Александре, матери и Украине . . .	183

~~№ 3959~~

Chelydromus
C.S. current price, no T.
25 abm. p. 63 curusa

185

one roofing
in water
Koch & [unclear]
[unclear]

